

УДК 811.11.2'1

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

«ДЕНЬГИ» И «ПОЛИТИКА»

Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина

COGNITIVE LINGUISTIC STRUCTURE OF THE GERMAN SOCIAL CONCEPTS

“MONEY” AND “POLITICS”

R. D. Kerimov, L. I. Fedyanina

В статье описываются семантические особенности экспликации немецких концептосфер «Деньги» и «Политика», в структуре которых выделяются четыре когнитивных признака: антропоморфный, предметный, социальный и природный. Данные номинации метафорически представляют опыт и знания о сфере денежных и социальных отношений, аккумулированные в современной немецкой лингвокультуре.

The article is dedicated to the cognitive study of the semantic structure of the German concepts “Money” and “Politics”, which are reconstructed by four conceptual features: anthropomorphic, artifact, social and natural. These metaphors describe the social reality (finance and political relations) and reflect experience and knowledge of the modern German language culture.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептология, концептуальная метафора, концептуальная сфера, концепт, немецкая лингвокультура.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual linguistics, conceptual metaphor, conceptual domain, concept, German language culture.

Лингвистическое изучение и реконструкция концептов (концептуальных сфер, концептосфер) на материале различных фрагментов и субсистем немецкой лингвокультуры сохраняет в современной германистике свою актуальность и новизну. Такие социальные явления, как «деньги» („Geld“) и «политика» („Politik“) занимают центральное место в системе общественных ценностей, поскольку они связаны соответственно с осуществлением экономических отношений и властных полномочий и являются маркером социальной стратификации, оказывая огромное влияние на жизнь общества, государства и отдельных граждан.

Немецкая лингвокультура в полной мере отражает важную роль данных явлений для германского общества в его современном состоянии, что отражается в регулярной повседневной языковой практике в пределах соответствующих и смежных концептосфер, и в исторической перспективе, что находит свое выражение в соответствующих узуальных и окказиональных словоупотреблениях в паремиологическом и фразеологическом фондах немецкого языка [см, например: 6].

Выделение признаков структуры концепта сопряжено с выявлением в его структуре некоторых слоев, признаков [2] или «кодов» в терминологии М. В. Пименовой, которые охватывают различные исходные семантические области, аккумулирующие фундаментальные параметры окружающего мира, универсальные для всех представителей данного языкового сообщества. Так, например, в структуре различных концептов представляется возможным выделить признаки, «среди которых растительный..., зооморфный..., перцептивный, соматический (телесный), антропоморфный, предметный, пищевой, химический, колоративный, дименсиональный, пространственный, временной, ценностный, теоморфный» [3, с. 90].

В этой связи актуальными для немецких социальных концептов представляются когнитивные признаки четырех ключевых групп: антропоморфный (физиология и личная сфера человека), социальный (касается сферы общественных отношений (включая политику)), предметно-артефактный (созданные трудом человека объекты) и природный (живая и неживая природа) [см, например: 1; 4], которые представляют как традиционное для немецкого языка, так и индивидуальное вербальное восприятие «денег» и «политики», причем данные номинации преимущественно сопряжены с метафорическим переносом наименований, поскольку описываются лексическими единицами иных исходных концептуальных сфер [см.: 5].

Антропоморфный концептуальный признак охватывает номинации, которые связаны с личной сферой человека: с его физиологией (анатомическим строением человеческого тела, физиологическими особенностями, болезнями и пр.), личным окружением (семья, друзья, родственники, знакомые). Среди номинаций частей человеческого тела и внутренних органов, метафорически концептуализирующих «деньги» и «политику», чаще всего встречаются «рука» („der Arm“), «ноги» („die Beine“, „die Füße“), «лицо» („das Gesicht“), «глаза» („die Augen“), «сердце» („das Herz“), «мускулы» („die Muskeln“), а также «кровь» („das Blut“) и пр. Так, наличие у «денег» «рук» и «ног» может, с одной стороны, указывать на то, что деньги необходимы человеку, как и данные части тела. С указанием количества акцентируется внимание на том, что деньги быстро тратятся (быстро «уходят»), ср., например: „Geld ist wie ein Arm oder ein Bein: du musst es brauchen oder du verlierst es“. „Geld hat hundert Beine, wenn es fortgeht, und nur zwei, wenn es kommt“. „Geld hat hundert Füße“.

Политические организации также обладают различными человеческими частями тела, которые ука-

зывают либо на функцию данного органа («глаз» – чтобы наблюдать), либо на характеристики самой сферы социальных отношений. Так, например, ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), по мнению немецких политиков, должна была стать «глазом» (т. е. наблюдать, шпионить) для ЕС и НАТО в югославской (на 1998 г.) провинции Косово: „Die OSZE wird im Kosovo das Auge des Westens sein“ (Neumann, 1998: 21) (букв.: «ОБСЕ станет в Косово глазами Запада»).

В свою очередь, «лицо», которое, согласно латинской поговорке, является «зеркалом души», в немецком политическом языке в некоторой степени сохраняет значение латинского изречения, представляя собой внешний вид и суть какой-либо политической структуры ФРГ. И если «веснушчатое лицо» („das Gesicht mit Sommersprossen“) хотя и указывает на не совсем презентабельный вид, как это выражено в следующем примере, Берлина как столицы единой Германии (на 1991 г.) но вызывает симпатии оратора, то «размалеванное» лицо Бонна (как столицы ФРГ в 1949 – 1990 гг.) вызывает ассоциации с театральным макияжем, скрывающим истинные чувства и ценности немецкой политической культуры, что и предопределяет в контексте высказывания симпатии именно к «лицу с веснушками» (т. е. к Берлину), а не к его антиподу, метафорически представляющему города западной части Германии, ср.: „Wir wissen alle: Berlin ist lauter als Bonn, unbequemer als Bonn, holpriger als Bonn, ist ein Gesicht mit Sommersprossen. Ist es deswegen wirklich hässlicher als manches geölte und gepuderte Gesicht in Westdeutschland? Ich meine nicht“ (Kansy, 1999).

За метафорой сердца в немецком языке уже закрепились значение, указывающее на центральную, главную часть чего-то, активируя смысловую важности и исключительности данного внутреннего органа в человеческом теле. В представлении немецких политиков «сердцем» являются столица Германии, где сосредоточены важнейшие органы государственной власти (парламент и одно из двух представительств федеральных министерств), и парламент – главный законодательный орган страны, например: „Für Bonn, meine Damen und Herren, spricht viel, aber für Berlin spricht alles. Es gibt keine Alternative für Deutschlands schlagendes Herz“ (Weiß, 1999). „Das Herz unseres Landes schlägt in dieser Stadt“ (Börnsen 1999). „Das Parlament ist das Herz dieser Demokratie“ (Kansy, 1999).

«Деньги» уже давно традиционно в немецком языке именуют «кровью экономики» („Geld ist das Blut der Wirtschaft“), в то же время «деньги» и «политика» связаны и с нервной системой, проявляя свойства «рефлексии» в сфере общественных отношений, ср., например: „Geld ist Lebensnerv der Dinge“. „Der Lebensnerv der parlamentarischen Demokratie ist das Parlament“ (Schorlemer, 1999).

«Мыскульы, мышцы», которые способна показать немецкая экономическая система, презентируют представления об экономической мощи ФРГ и о высокой производительности труда в немецкой про-

мышленности: „Die deutsche Wirtschaft lässt die Muskeln spielen“ (Blüm, 1998: 7), в то время как собственн «деньги» тоже обладают «большой силой», что указывает на их большую покупательную способность (на деньги можно купить (почти) всё, что угодно), ср.: „Geld hat größere Macht als der Mann“.

В немецкой паремии отмечена способность денег «говорить» („sprechen“, „reden“), посредством чего подчеркивается способность денег управлять умом и поступками людей, влиять на человека и положение вещей, изменяя их по своему усмотрению, ср.: „Geld spricht alle Sprachen“. „Geld spricht laut“. „Geld spricht immer die Wahrheit“. „Wo Geld redet, muss Verstand schweigen“. „Geld spricht mehr als 12 Gerichtsleute“. В последнем изречении отражается представление о том, что деньги способны влиять на отправление правосудия (букв.: «Деньги говорят больше, чем двенадцать присяжных»).

В политическом дискурсе «деньги» также обладают способностью говорить, причем как на немецком языке, так и на иностранных языках. В следующих контекстах, однако, в эту способность вкладывается совсем другой смысл, чем в поговорках: посредством таких образных метафор ораторы (министр финансов в федеральном правительстве Г. Шрёдера и сам бывший федеральный канцлер) говорили о том, что денежная единица ЕС «евро» зависит не только от финансовой системы Германии («евро» говорит по-немецки), «евро» говорит по-баварски), но связана с экономикой всех стран ЕС («евро» говорит по-европейски), ср.: „Aber das wird auch nicht besser, Herr Kollege Waigel, wenn Sie sich mit den Worten vernehmen lassen, Sie seien der eigentliche Außenminister, und gleichzeitig sagen: „Der Euro spricht deutsch“. Ich möchte Sie doch bitten, letzteres zu unterlassen. „Der Euro spricht bayerisch“ konnten Sie angesichts der Haltung Stoibers nicht sagen. Wissen Sie, „Der Euro spricht deutsch“ hört sich in den Hauptstädten Europas merkwürdig an. Sie sollten solche Töne wirklich unterlassen. Ich bitte Sie im Interesse unseres Ansehens in Europa darum“ (Lafontaine, 1998: 6). „Wir wollen nicht, dass der Euro deutsch spricht. Wir wollen, dass D-Mark, Franc und Schilling europäisch sprechen“ (Schröder, 1999: 47). Следует отметить, что в изложенных выше контекстах яркий метафорический образ развивается, помимо всего прочего, также еще за счет того, что в высказываниях отражены окказиональные элементы, противоречащие научной (лингвистической) картине мира, ибо «по-немецки» и (с натяжкой) «по-баварски» (например, на одном из верхненемецких диалектов) говорить можно, а вот «по-европейски» – нельзя, поскольку такого языка как «европейский» ни в генеалогической, ни в типологической классификации языков не существует, хотя он и вписывается в логику развития мысли ораторами.

«Деньги» в немецкой языковой картине мира обладают (или, наоборот, не обладают) способностью справлять естественные физиологические потребности. И если в разговорной речи в негативном смысле говорится об отсутствии такой способности

(ср. из разговорной речи: „Wenn du denkst, ich kann Dukaten scheißen, irrst du dich“), то в средневековых немецких народных поверьях был такой мифологический персонаж как „Geldscheißer“, который мог производить деньги данным естественным путем.

В области политики сфера естественных человеческих потребностей используется в строго негативном смысле по отношению к действиям правительства в социальной сфере и на рынке труда: „Sie tun doch immer so, als ob das Arbeitslosengeld und die Arbeitslosenhilfe ganz prima wären, die Sozialhilfe hingegen der letzte Dreck wäre“ (Fink, 1998: 5). „170000 Haushalten mit 235000 Personen ginge es ganz dreckig, wenn es Sozialhilfe nicht gäbe“ (Fink 1998: 5). Употребляемые в данных контекстах (цитаты из одной речи депутата бундестага) слова „dreckig“ и „der Dreck“ создают яркий и наглядный образ, хотя являются пейоративной лексикой, лежащей вне плоскости современного немецкого литературного языка.

Также к физиологическим особенностям «денег» еще со времен античности относят отсутствие у них запаха: „Geld stinkt nicht“. Это выражение является калькой с латинского изречения „Non olet“ («не пахнут»), которым римский император Веспасиан ответил на упреки своего сына по поводу его распоряжения пополнять казну за счет введения налога на общественные уборные. В современных представлениях данное изречение оправдывает любой способ (чаще всего – нечестный, противозаконный) получения денег.

Биологическая природа человеческого существа проявляется также и в болезнях, которыми страдает человек. В метафорическом «зеркале» некоторые болезни проецируются в сферу экономики и денежной системы и в область политики. Так, в некоторых поговорках у «денег» отмечается отсутствие некоторых частей тела, что выражает способность «денег» служить своему хозяину (обладателю) и быстро кончаться: „Geld hat keine Augen im Kopf“. „Geld hat keine Beine, aber es läuft“. «Деньги» обуславливают физические и психические болезни человека, делая его «глухим» („taub“), «слепым» („blind“) и «немым» („stumm“), т. е. «деньгами» можно подкупить человека: „Geld macht stumm“. „Geld, das stumm und zungenlos ist, macht gerade, was krumm ist“. „Geld, das stumm ist, macht recht, was krumm ist“. „Geld macht stumm, blind, taub“.

Морбиальная сфера, проецируясь в область социального, получает активное развитие за счет введения и развития всё новых метафорических единиц («болезнь» („die Krankheit“), «симптом» („das Krankheitssymptom“), «приступ болезни» („der Krankheitsfall“), наименования конкретных болезней, течения и развития болезни и т. д.). В социально-экономической сфере о болезни речь идет в случае критики оппозицией действий правительства или указании на негативные тенденции в экономике: „Wo wären wir, wenn wir Herrn Schröder gefolgt wären, der den Euro als kränkelnde Fehlgeburt bezeichnet hat?“ (Waigel, 1998: 4). Für die Politik bedeutet eine Krankheit entweder falsche Beschlüsse

der Regierung und / oder der Opposition oder große Probleme der Gesellschaft: „Misstrauen ist für Sie eine große politische Krankheit unserer Tage“ (Rau, 2001a: 124). „Rotgrün will die Reform der Lohnfortzahlung im Krankheitsfall zurückdrehen, der die Unternehmen in unserem Land eine Kostenentlastung von rund 20 Milliarden DM verdanken“ (Friedhoff, 1998: 4).

Немецкая экономика, по мнению германских политиков, может проявлять явные «симптомы болезни» („Krankheitssymptom“): „Die Schattenökonomie ist schneller als Bruttoinlandsprodukt gewachsen. Das ist in der Tat ein Krankheitssymptom. Worauf beruht diese Krankheit? Sie beruht auf einer Überforderung der arbeitenden Bevölkerung oder der Bevölkerung insgesamt durch Steuern und Abgaben, angesichts deren sie sich immer mehr Ausweichen aus der legalen Ordnung in die Schattenordnung begibt“ (Biedenkopf, 1998: 7).

Мировая экономика, в свою очередь, может «кашлять» („husten“), и ее может «бить озноб» („es fröstelt“): „Heute brauchen wir für den engen Zusammenhang und die Abhängigkeit zwischen Kontinenten, Regionen und Menschen keine großen Erklärungen mehr. Jeder spürt sie am eigenen Leib. Wenn in Tokio oder Kuala Lumpur die Börse hustet, dann fröstelt es nicht nur die Banken in der übrigen Welt“ (Rau, 2001b: 204).

Оппозиция может представлять правительство Германии в виде больного, старого человека, страдающего от одышки: „Es ist doch verblüffend, wenn die Opposition schreibt: Die Bundesregierung reagiert wie vor kurzatmig und konzeptionslos auf die Beschäftigungs- und Strukturkrise“ (Riesenhuber, 1998: 8). Западногерманские политики проецируют морбиальную сферу на немецкую историю, описывая 40-летний раскол Германии и Берлина в качестве незаживающей, открытой «раны» („die Wunde“) и «шрама» („die Narbe“): „Berlin war für mich immer mehr als der Ort, in dem ich wohne. Es war eine offene, schmerzende Wunde“ (Weiß, 1999). „Aber die Wunde in Berlin wird noch lange, lange spürbar sein“ (Hilsberg, 1999). „In den letzten dreißig Jahren ist viel erreicht worden, dennoch stoßen wir immer wieder auf Narben und offene Wunden“ (Rau, 2000b: 270).

«Деньги», в свою очередь, обладают способностью «лечить» („heilen“) многие болезни („Geld heilt alle Wunden“), а политики способны «лечить» проблемные сферы: „Wir sollten in der Klimapolitik als ein guter Arzt handeln, der einen Patienten mit Fieber vor sich hat, aber im Blutbild keinen der bekannten Erreger feststellen kann. Er darf nicht warten, bis der Tod des Patienten den Beweis der Ernsthaftigkeit der Krankheit erbringt“ (Rau, 2001b: 207 – 208). Неправильное лечение может, однако, вполне привести и к «летальному исходу» („der Exitus“): „Dieses Rahmenkonzept ist der letzte Beweis dafür, dass in der Forschungs- und Technologiepolitik die Rüttgersche Frischzellenkur ein Beitrag zum Exitus dieser Regierung geworden ist“ (Kiper, 1998: 4).

Как отмечается в некоторых устойчивых выражениях и контекстах, «деньги» и «политики» сами

по себе не способны сделать человека счастливым и могут даже лишить его разума, хотя и дружелюбны по отношению к человеку и могут облегчить его жизнь, ср.: „Geld sieht immer freundlich aus“. „Geld macht nicht glücklich, aber es weint sich leichter“. „Geld allein macht nicht glücklich“. „Geld hat keinen Verstand im Kopf“. „Ich bin sehr wohl bereit, zu teilen und zu helfen; aber ich bin nicht bereit, zu glauben, dass der Sitz von Parlament und Regierung eine glückbringende Funktion hat“ (Zeitlmann, 1999). „Es liegt in der paradoxen Logik der Gegenwart, dass wir zwar angeblich auf Zukunft und Wachstum ausgerichtet sind, dass sich aber gleichzeitig diejenigen, die sich trauen und zutrauen, ein Kind oder gar mehrere Kinder zu erziehen – und damit eben auch unser aller Zukunft sichern, – heute oft als gesellschaftliche Außenseiter und ökonomische Idioten vorkommen müssen“ (Rau, 2001a: 82). „Willy Brandt hat gesagt: „Wer wollte bestreiten, dass der momentane Stress erträglicher ist als der frühere Dauerstress des Kalten Krieges“ (Rau 2002b: 328). Пользу «деньги» могут принести только в руках умного и умелого человека: „Geld ist klug in den Händen eines Mannes“. В сфере политики умом отличается конституция (основной закон) Германии: „Wir haben eine kluge Verfassung, die Regierung und Opposition, Bundestag und Bundesrat zur Zusammenarbeit zwingt“ (Herzog, 1997: 8).

В структуре социальных концептов „Geld“ и „Politik“ представляется возможным выделить и экзистенциальный субпризнак, указывающий на существование, зарождение и умирание, жизнедеятельность и движение, включая различные виды движения („zu Fuß“, „schnell“, „langsam“ и т. д.): „Niemand lebt so stark von der Globalisierung wie die deutsche Wirtschaft“ (Rau, 2002b: 598 – 599). „Geld schreit in der Tasche“. „Geld kommt immer zu Geld“. „Geld kommt, Geld geht“. У «денег» иногда указывается конкретная цель передвижения: „Geld geht immer in den Sumpf“. „Geld, wo gehst du hin? Verwandte und Freunde zu trennen“.

В свою очередь, в сфере политики в различных условиях «живет» и «умирает» демократия: „Wir haben eine lebendige Demokratie, die ihre Stärken gerade darin zeigt, dass sie mit schwierigen Situationen fertig wird“ (Rau, 2001a: 282). Причем часто в контекстах указываются причины, необходимые для жизнедеятельности демократии или способные ее убить, ср.: „Sie sollen erfahren, dass unsere Demokratie nur dann lebendig ist, wenn wir unsere Rechte auch nutzen“ (Rau 2001a: 96). „Die Demokratie stirbt, wenn wir uns nur noch wie Marktteilnehmer und Konsumenten verhalten“ (Rau, 2001a: 96). „Eine lebendige Demokratie braucht das Engagement freier, aktiver Bürgerinnen und Bürger“ (Rau, 2002b: 185). „Die Demokratie lebt vom Streit, vom Konflikt, aber nicht vom Konflikt um des Konfliktes willen“ (Rau, 2002b: 639).

И наконец, исследуемые концепты могут быть структурированы субпризнаком сферы родственных отношений. Так, «деньги» способны иметь родственников (например «брата») или быть чьим-либо

родственником: „Geld ist des Geldes Bruder“. „Geld ist ein Verwandter“. В первом случае подчеркивается вера человека в то, что деньги способны привлечь еще деньги (ср. с выражениями в русском языке: «деньги идут к деньгам», «деньги привлекают деньги»), а во втором выражении подчеркивается важность денег для человеческого существования, которые воспринимаются в качестве родственника, члена семьи, друга и пр. «Деньги» помогают заключить выгодный брак (брак по расчету), но, с другой стороны, «женитьба на деньгах» сама по себе не способна принести счастье: „Sie will doch sein Geld heiraten“. „Wo Geld die Braut ist, hat der Teufel ein Ei in die Wirtschaft gelegt“.

В социально-политической сфере персонифицируются определенные политические реалии, выступающие в родственных отношениях с другими реалиями: „Das große Berlin und das kleine Bonn ergänzen sich. Das ist der große Bruder der kleinen Schwester“ (Blüm, 1999). „Ich glaube, dass Nationalismus und Separatismus Geschwister sind“ (Rau, 2000b: 26). „Nationalismus und Separatismus sind Zwillinge“ (Rau, 2000b: 35). „Umwelt, Ökologie und Ökonomie, das sind keine feindlichen Brüder, sondern das ist Geschwisterpaar, das Zukunft sichern und leben kann“ (Rau, 2001a: 113). „Eine Wissenschaft, die so handelt, macht deutlich, was sie von Anbeginn war und ist: eine Schwester der Freiheit und der Demokratie“ (Rau, 2001b: 323). В указанных случаях терминология родства («брат», «сестра», «братья и сестры» и т. д.) может обозначать как положительные, с точки зрения немецких политиков, так и негативные в их представлении явления современной социально-политической реальности ФРГ и Европейского союза.

Социальный признак охватывает те метафорические номинации, которые связаны со сферой общественно-политических и гражданских отношений в обществе, когда человек проявляет себя как представитель определенного класса, социальной группы, политической партии и т. п. К социальным видам деятельности относятся такие, как спорт, криминал, война, профессиональная деятельность, национальная и религиозная принадлежность, социальный статус, искусство, наука и т. д.

Так, метафоры войны характеризуют «деньги» как солдата, который может быть мобилизован („mobilisieren“) и способен вести боевые действия („einen Krieg führen“), например: „Zudem mobilisierten die insgesamt 138 Millionen Euro, die allein der Bund für dieses Programm bereitstellte“ (Perspektiven im Osten). „Geld führt den Krieg“ (Schily, 102). Сфера немецкой политики также может быть описана милитарными метафорами. Так, например, посредством вторичных номинаций деятельность немецких партий и фракций на внутриполитической арене представляется как «ведение предвыборной борьбы» („den Bundestagswahlkampf führen“) и «идеологические окопные войны» („ideologische Grabenkriege“), ср., например: „Das Gerede der SPD vom Kassensturz ist angesichts des von

der Bundesregierung vorgelegten vollständigen Zahlenwerks nichts anderes als Wahlkampfgetöse“ (Waigel, 1998: 3). „Es ist nicht meine Aufgabe, mich an parteilpolitischen Grabenkämpfen zu beteiligen“ (Rau, 2001b: 409).

Криминальные метафоры приписывают и «деньгам», и «политике» свойства асоциальных объектов. «Деньги» могут быть вором, мучителем, преступником, убийцей и т. п., посредством чего в немецкой лингвокультуре выражается указание на то, что ради денег люди способны совершать незаконные действия, плохие поступки, напр.: „Komm, gib das Geld zurück, wenn es dich quält“ (Böll, Erzählungen). „Der Pfennig ist ein rechter Dieb“ (Wander, 1987: 1267). „Geld läuft ins Spielhaus wie der Verbrecher zur Richtstätte“. „Geld ist ein Mörder“. „Geld ist ein Dieb“. „Geld erzeugt Räuber“ (букв.: «Деньги производят разбойников»).

Именно связь с миром криминала способствует персонификации «денег» также и в сфере политики, которая может ассоциироваться с «убийцей рабочих мест» („der Jobkiller“) и с представительницами самой древней профессии на земле („die Hure“), как это представлено в следующих случаях: „Geld ist eine Hure, es will immer unter Leuten sein“. „Konsequente und marktwirtschaftlich orientierte Umweltpolitik ist kein Jobkiller, sondern Antrieb für einen modernen Wachstumsmarkt“ (Kohl, 1997: 15). „Neue Technologie mag – in einer ersten Phase – durchaus ein Jobkiller sein“ (Herzog, 1997: 24).

Немецкая политика также концептуализируется в социальной коммуникации терминами игры и спортивных состязаний. В целом немцы любят спорт и спортивные соревнования и при метафорической номинации используют понятия популярных в Германии видов спорта: футбола, легкой атлетики, гандбола, автогонок в классе автомобилей «Формула-1».

Так, например, федеральный экс-президент ФРГ Й. Рау (1999 – 2004 гг.) описывал работу немецких политиков как «эстафету по снижению налогов» („der Steuersenkungswettlauf“), а страны с высоко-развитой экономикой – как футбольные команды, играющие в высшей лиге („in der Spitzenliga mitspielen“), напр.: „Moderne Steuerpolitik darf nicht zum Steuersenkungswettlauf werden – weder zwischen Parteien noch zwischen Staaten“ (Rau, 2002b: 364). „Wer in der Spitzenliga der Industrienationen mitspielen will, der sollte nicht versuchen, mit Niedriglöhnen zu operieren“ (Rau, 2002a: 299). Из легкой атлетики в сферу общественно-социальных отношений перешли такие понятия, как, например, «старт» („der Start“), «препятствие» („die Hürde“): „Die nächste Hürde nach einem gelungenen Start ist oft fehlendes Beteiligungskapital oder eine nicht ausreichende Kredit- und Darlehensversorgung, um das neue Unternehmen zu konsolidieren, Produktionsanlagen zu finanzieren oder neue Produkte bekannt zu machen“ (Clement, 2002b: 4). Сложно осуществимые политические действия, в свою очередь, могут характеризоваться терминами гимнастических упражнений, как, на-

пример, «шпарат» („der Spagat“): „Ich habe hier das Problem, in meinem kurzen Beitrag den politischen Spagat zu machen als einer, der im Innersten davon überzeugt ist, dass auf lange Sicht Berlin als Hauptstadt natürlich auch Sitz von Regierung und Parlament sein wird“ (Lühr, 1999).

Среди номинаций денег важное место в немецкой лингвокультуре занимают словоупотребления, характеризующие большую силу и огромный экономический потенциал денег, которые подчиняют себе человека. В подобных случаях «деньги» становятся «господином» („der Herr“) мира и над человеком, который часто превращается в их «раба» („der Sklave“). Иногда деньги, наоборот, описываются как «слуга», «помощник» („der Knecht“, „der Diener“), причем часто оба эти значения противопоставляются друг другу («плохой / злой хозяин» – «хороший слуга»), ср.: „Geld ist der Welt Herr“. „Geld ist ein guter Knecht, aber ein schlechter Herr“. „Der eine ist des Geldes Herr, der andere sein Sklave“. „Geld ist wie ein Sklave; wenn du nicht verstehst, auf es zu achten, läuft es fort“.

Экономическая сила «денег» придает им иногда статус высокого социального положения, привилегированного положения в обществе, благородного происхождения и т. п.: „Geld ist Adel, Geld ist ohne Tadel“. „Geld macht jeden, der es hat, adlig“. „Geld ist des Volkes Recht“. Тот факт, что «деньги» зарабатываются человеком в его профессиональной деятельности, отражен в изречениях, указывающих на связь денег с профессиями, искусством, например: „Geld lehrt Künste“. „Geld macht aus Vogelscheuchen Grazien“. „Geld macht schöne Leute“. Политическая сила и власть, напротив, воздействует на человека негативно, или, как отмечено в одной немецкой поговорке, «портит его характер»: „Die Politik verdirbt den Charakter“. Различные субъекты политической деятельности также могут представляться в виде людей определенных профессий или социальных ролей (слуг, служанок и пр.): „Bonn ist das Zimmermädchen der Politik; hier dreht sich alles um die Macht. Berlin dreht sich um sich selbst; es kennt keinen Respekt vor Titel und Namen“ (Weiß, 1999).

«Деньги» считаются и служат товаром („die Ware“), который, однако, может и сам вести торговлю, покупать („kaufen“): „Geld ist die beste Ware, sie gilt Sommer und Winter“. „Geld kauft das Land“. «Политика», совсем наоборот, является той сферой деятельности, которую осуществляют люди и которая никогда (в языковых номинациях и контекстах словоупотребления) не проявляет себя в качестве самостоятельной силы. Профессия политика как род деятельности при этом оценивается в немецком обществе в целом негативно, а сама политика, согласно известной поговорке (она есть и в русском языке), является грязным делом: „Die Politik ist ein schmutziges Geschäft“ (букв.: «Политика – грязное дело»).

Активно в современном немецком языке в сферу политики проецируется религиозный аспект социальной реальности. «Деньги» часто воспринимают

как «всемогущего Бога» („der allmächtige Gott“, „der Proteus“): „Jetzt ist eben Geld für uns der Liebe Gott“ (Schily, 1996: 73). „Das Geld ist der tausendgestaltige charakterlose Proteus, der sich in alles zu verwandeln vermag“ (Schily, 1996: 75). „Geld ist des reichen Gott“.

В немецкой культуре, помимо прочего, «деньги» считаются Божьим благословением („ein Gottes Segen“). Богатство, по мнению немцев, человеку дается от бога, а значит и «деньги» благословенны и могут служить добрым делам, см.: „Einerseits erscheint das Geld als Zeichen des göttlichen Segens“ (Geld und Moral, 1994: 126). Другая группа религиозных метафор отражает противоположный взгляд на природу «денег», которые воспринимаются, согласно средневековым христианским воззрениям, как нечто «греховное»: „Im Mittelalter fiel Geld in Ungnade... Geld wurde in zunehmendem Maße als dämonisch dargestellt“ (Boundy: 43). „Viel Geld ist große Sünde, aber wenig Geld ist noch größere“. „Viel Geld ist große Sünde“.

В память о папских индульгенциях, когда в Средние века римско-католическая церковь отпускала грех за небольшое «вознаграждение», в словаре немецкого языка сохраняются выражения, которые говорят о том, что «деньги» очищают человека от всех грехов, делают его свободным, а отсутствие денег, в свою очередь, мешает быть набожным: „Geld kann den Sünder ledig machen, wo kein es ist, stehen böß die Sachen“. „Wer kein Geld hat, dem hilft nicht, dass er fromm ist“.

Успешная политика в сфере экономики традиционно именуется метафорой «экономическое чудо» („das Wirtschaftswunder“), которое переживала в свое время и Германия (ФРГ в конце 40-х гг. XX в.): „Ohne die Gewerkschaften wäre das deutsche Wirtschaftswunder nicht möglich gewesen“ (Rau, 2001b: 122).

Политические оппоненты в общественно-политическом дискурсе в негативном смысле образно именуются «лжепророками» („falsche Propheten“) и «лжепроповедниками» („falsche Prediger“): „Ja, ich bin zuversichtlich: Vieles wird besser werden. Aber glauben wir nicht den falschen Propheten, die uns sagen: Alles wird gut“ (Rau, 2001b: 235). Лидеры международного терроризма в современной немецкой политической коммуникации получили метафорическое наименование «пророки насилия» („Propheten der Gewalt“).

Предметно-артефактный код концептуальных сфер «деньги» и «политика», играющих важную роль в современной немецкой социальной коммуникации, может рассматриваться двояко: с одной стороны, как «предметность» в чистом виде, при которой посредством соответствующих метафорических обозначений создается образное впечатление об актуальных сущностях (в первую очередь это касается «политики») как о материальных объектах, с которыми могут совершаться разнообразные манипулятивные действия. С другой – актуальным признаком могут выступать свойства «денег» и «политики» как конкретных предметов – артефактов, передающих

(посредством метафорических образов) в немецкой лингвокультуре значимые аспекты актуальных социальных объектов.

С точки зрения первого подхода касательно сферы немецкой политики, экспликаторами выступают глаголы типа «захватить», «получить», «брать», «терять», «передать» и т. п., манифестированные, например, в абстрактную область политической власти, с которой, как с неким предметом, совершаются соответствующие действия: „die Macht“ / „die Regierung“ / „die Kraft“ „bekommen“, „ergreifen“, „gewinnen“, „übergeben“, „verlieren“. При обозначении «денежных средств» предметный признак не выявляет метафорического переосмысления, поскольку деньги являются и абстрактным понятием (если речь идет о богатстве, благосостоянии, некоторой сумме, цене и пр.), и конкретным предметом (в виде банкнот, монет, чеков, счета в банке). В связи с этим выражение типа „Geld verlieren“ может быть интерпретировано, в зависимости от контекста, двояко: потеря реальных денежных знаков (пропажа с кошельком и т. д.) или абстрагированная, «виртуальная» ситуация (убыток при неудачных финансовых операциях, вложениях; банкротство; лишняя покупка).

Артефактный концептуальный признак охватывает номинации, связанные с созданными трудом человека предметами и устройствами, к которым относятся: технические инструменты, устройства и механизмы, транспортные средства, архитектурные сооружения, объекты коммуникаций и транспортной инфраструктуры, а также сфера гастрономии.

«Деньги» в современной немецкой лингвокультуре, в первую очередь, выступают инструментом (ключом, топором), выполняющим различные технические действия, которые могут расцениваться как позитивно, так и негативно, ср.: „Geld ist ein Schlüssel für alle Türen“. „Geld öffnet alle Türen“. „Geld ist das Beil, das gute Freunde trennt“. «Политика», в свою очередь, также является инструментом (средством) для осуществления определенных действий, однако, в отличие от «денег», она не самостоятельна и не самодостаточна, а лишь орудие в руках политиков, правительства и пр.: „Alle Experten kommen zu demselben Schluss: Die Mindeststeuer ist ein völlig ungeeignetes Instrument zur Verbesserung der Steuergerechtigkeit“ (Waigel, 1998: 4). „Die Bildung ist ein Teil des Schlüssels zu dem Haus, in dem wir alle wohnen, und wer diesen Schlüssel nicht benutzen kann oder will, der bleibt draußen vor der Tür“ (Rau, 2002a: 210).

При реализации транспортного признака «деньги» предстают в образе некоего транспортного средства (железной дороги, корабля и пр.) или его составной части. Таким образом, метафорически выражаются определенные свойства «денег», как, например, их «прочность» („fest“), то есть их большая сила, покупательная способность и т. д.: „Geld ist fest wie Eisenbahn“. „Das Geld soll wie die Eisenbahn sein, weiter nichts als seine Staatliche

Einrichtung, um der Warenaustausch zu vermitteln, wer sie benutzt, soll Fracht zahlen“.

Морская тематика (парус, паром и пр.) создает образ «денег» как некой движущей и управляющей силы, а их отсутствие сулит беды и несчастья, ср.: „Geld – ein Segel in der Tasche“. „Das Leben ist ein Meer, der Fährmann ist das Geld; wer diesen nicht besitzt, schiffet übel durch die Welt“.

«Политика» также получает метафорическое переосмысление терминами транспортной субсферы. В публицистике при этом реализуются образы корабля, поезда, автомобиля, а также их составных частей (мотор, якорь, вагон). Традиционный метафорический образ корабля, восходящий еще к античной риторике, создает впечатление о государстве, его развитии, об институтах государственной власти. Наиболее актуальными при этом представляются ситуации движения «корабля-государства» определенным курсом (правильным или неверным) и управления им командой во главе с капитаном-канцлером, например: „Wenn Sie von etwas Ferne auf das Geschehen in der Bundesrepublik blicken, dann sehen Sie, dass wir schwierige Aufgaben zu bewältigen haben, dass das Staatsschiff aber auf gutem Kurs ist“ (Solms, 1998: 8). „Das Land auf dem richtigen Weg zu halten und da, wo nötig, Kurskorrekturen vorzunehmen, ist die Aufgabe, die wir für die nächsten Jahre haben“ (Schröder, 2003).

Железнодорожный транспорт («поезд», «состав», «локомотив») описывает развитие разнообразных политических процессов в динамике. Так, например, движение поезда может манифестировать процессы внутригерманской (Западная и Восточная части единой Германии) и европейской (внутри ЕС) интеграции, ср.: „Höchst unerwartet ist der Zug der politischen Union Europas wieder ins Rollen gekommen“ (Herzog, 1999: 1). „Entgegen allen Beteuerungen laufen wir heute Gefahr, auf das Auslaufmodell „Nationalstaat“ zu setzen und den europäischen Zug der Zeit zu verpassen“ (Bury, 1999). „Aber Brandt hat gesagt: Je schneller der Zug der deutschen Einheit fährt, desto mehr müssen wir darauf achten, dass niemand unter die Räder kommt“ (Rau, 2000b: 283). Помимо этого, важный смысл передают контексты с номинациями железнодорожных станций, вокзалов, начала и места назначения, а также направления движения состава.

Из составных и запасных частей транспортных средств самым частотным является образ мотора как движителя разнообразных политических действий и процессов. Концептуальным антонимом мотора выступают тормоза, которые замедляют темпы социально-экономического развития и потому оцениваются крайне негативно, например: „Die wirtschaftliche Verflechtung hat sich als Motor der Integration bewährt und wird sowohl für die derzeitigen Mitglieder als auch für die beitragswilligen Staaten die treibende Kraft bleiben“ (Fischer, 1998: 17). „Berlins Aufgabe steht doch fest: Berlin wird Motor des demokratischen, sozialen, wirtschaftlichen und ökologischen Aufbaus Mittel- und Osteuropas, vor

allem aber der neuen Bundesländer“ (Pflüger, 1999). „Wir werden dafür sorgen, dass Deutschland in der EU nicht länger als Bremser bei der Sozialpolitik auftritt. Wir werden aktiver Schrittmacher bei der Reform der EU sein“ (Schröder, 1999: 47).

Исходная концептуальная субсфера гастрономии актуализируют у сферы-мишени «деньги» перцептивные качества и свойства. «Деньги» как кулинарные блюда могут иметь вкус и запах (приятный или горький), служить ингредиентом, улучшающим качество блюда или придающим ему особенный вкус (иногда – в ироническом смысле), ср.: „Das Geld schmeckt, riecht und stinkt“. „Geld – Eiscreme in der Hölle“. „Geld versüßt die Arbeit“. В некоторых контекстах, наоборот, речь идет о том, что «деньги» – не пища, не хлеб, то есть они ценны не сами по себе, а лишь потому, что на них можно приобрести необходимые вещи и продукты питания („Geld stilt keinen Hunger“. „Geld ist nicht Brot“). В сфере общественных отношений продукты питания и пища в целом создают образы крайне необходимых для функционирования общества духовных сфер деятельности человека, как, например, культура и искусства, которые как раз и делают общество «живым»: „Kultur und Kunst sind ein Grundnahrungsmittel für eine lebendige Gesellschaft“ (Clement, 2002b: 25).

Определенные политические явления, например межгосударственные отношения или международный терроризм, в свою очередь, могут «питаться» из неких источников, то есть иметь политическое, идеологическое, финансовое основание: „Unser Wunsch ist, dass das Verhältnis zwischen Deutschland und Polen sich aus den gleichen Quellen speisen soll wie das deutsch-französische Verhältnis: aus dem Bewusstsein enger Freundschaft und gemeinsamer Verantwortung für Europa“ (Rau, 2002b: 123 – 124).

Традиционный статус в немецком языке получила (и уже закрепились на уровне словаря) метафора «рецепт», указывающая на некие решения по выходу из сложившейся ситуации: „Beim Thema Arbeitslosigkeit geht es um Rezepte. Es geht zwar auch um die Analyse der Ursachen, aber doch nur, um die richtigen Rezepte zu finden“ (Babel, 1998: 6).

Социально-политическая сфера современной немецкой лингвокультуры концептуализируется также понятиями из механистической, архитектурной и текстильной артефактных концептосфер, которые являются для сферы-мишени «Политика» специфическими, поскольку другой социальный концепт («Деньги») подобными признаками на регулярной основе не обладает.

Метафоры механизма объективируют представления о немецком государстве, о Европейском союзе, о германской экономике как о работающем механизме и описывают механизм в целом, составные части механизма, процессы его функционирования, поломки/починки, управления им. В качестве механизма могут быть представлены как политические системы (например Евросоюз), так и экономическая сфера: „Lernen Sie verstehen, wie die Europäische Union funktioniert“ (Rau, 2001a: 157). „Dass der Markt

als Mechanismus des Wirtschaftslebens allen anderen Prinzipien überlegen ist, wird nirgendwo und von niemandem mehr ernsthaft bestritten“ (Rau, 2000: 31). Механизм состоит из множества составных частей (колесиков, шестеренок и т. д.), в качестве которых в метафорическом смысле выступают органы государственной власти, политические партии, фракции парламента, отдельные граждане Германии и ЕС: „Unsere Gesellschaft wäre ärmer ohne den selbstlosen und unermüdlichen Einsatz jener vielen Bürgerinnen und Bürger, die bereit sind, die vielen kleinen Räder im großen Getriebe des Hilfsgeschehens in Schwung zu bringen und in Schwung zu bleiben“ (Rau, 2001b: 319).

Функционирующий механизм обязательно кем-то извне управляется, кто-то (что-то) нажимает рычаги, запускает его и пр.: „Der Vertrag von Amsterdam setzt an beiden Punkten den Hebel an: Jeder Unionsbürger bekommt das einklagbare Recht, Dokumente der Kommission, des Europäischen Parlaments und des Rates einzusehen“ (Fischer, 1998: 9). Также на работающий механизм разные внешние и внутренние силы оказывают влияние: „Eine Gesellschaft, deren Regierung nicht für die Nutzung aller Chancen – und für den gleichen Zugang zu diesen Chancen – sorgt, wird unter die Fliehkräfte der Globalisierung von innen zusammenbrechen“ (Schröder, 2002: 23). Сломанный общественно-государственный механизм требует ремонта в специальных мастерских: „Soziale Gerechtigkeit und soziale Sicherheit werden nicht dann am besten erfüllt, wenn möglichst viel Geld für die sozialen Aufgaben ausgegeben wird. Richtig wäre diese Sicht nur dann, wenn wir den Sozialstaat als Reparaturbetrieb der Gesellschaft missverstanden“ (Rau, 2001a: 76).

Еще одним распространенным метафорическим образом, характеризующим государство как некоторую целостную структуру, является метафора дома. Разные аспекты функционирования и устройства государства объективируются посредством номинаций дома как целостного сооружения („das Staatsgebäude“), а также конструктивных составляющих здания (фундамент, стены, окна, двери, крыша и т. п.), выражающих определенные социально-политические процессы, происходящие в Федеративной Республике и в Евросоюзе, например: „Die politische Bildung an unseren Schulen vermittelt jungen Menschen die Kenntnis von den Bausteinen unserer Gesellschaft und unseres Staatgebäudes“ (Rau, 2001a: 96).

В целом немецкое государство предстает в политических речах как открытый дом, устойчивый и защищенный от неблагоприятного воздействия (погоды и пр.). Метафора «Европейский дом» („das europäische Haus“) уже прочно вошла в риторический арсенал германских и европейских политиков и характеризует внутреннюю и внешнюю политику ЕС. Процессы интеграции стран внутри Евросоюза манифестируются как процессы его строительства и ремонта: „An dem europäischen Haus der EU haben mittlerweile mehrere Generationen politisch erfolgreich gebaut. Es wird die Aufgabe unserer Generation sein,

dieses Europa der Integration zu vollenden“ (Fischer, 1999: 20).

Образ «Европейского дома» развивается в разнообразных политических контекстах. Так, например, канцлер Г. Коль представлял «дом ЕС» как многоквартирный дом, где каждый член ЕС занимал свою квартиру, а каждый новый член ЕС соответственно являл собой нового жильца данного устойчивого дома: „Wir wollen den Frieden und die Freiheit für die, die jetzt jung sind, für das 21. Jahrhundert sichern. Wir werden diesen Frieden und diese Freiheit nur dann garantieren können, wenn wir gemeinsam das Haus Europa bauen, und wenn alle europäischen Völker, die dies können und wollen, in diesem Haus Wohnungen finden. Polen will eine solche Wohnung und wir wollen, dass Polen sie bekommt. Wir wollen gemeinsam mit unseren polnischen Nachbarn genau wie mit unseren französischen Nachbarn und den anderen in Europa dieses Haus Europa bauen – wetterfest in den Stürmen der Geschichte und der Zeit“ (Kohl, 1997: 20).

Номинации объектов сферы коммуникаций и дорожно-транспортной инфраструктуры («мост», «дорога», «улица» и др.) концептуализируют ситуации международного сотрудничества и процессы политического и экономического развития немецкого общества. При этом мост выполняет важную связующую функцию, сближая народы, государства: „So war es auch möglich, geistige Brücken über den Eisernen Vorhang zu schlagen und kulturelle Bindungen und Verbindungen zu den Menschen zu pflügen“ (Kohl, 1997: 13). Метафора «дорога» традиционно указывает на «пути» развития государства, процесс проведения реформ, общественно-политических преобразований. Тип дороги и ситуация выбора пути указывают на поиск правильных решений: „Wir stehen an einer Wegscheide. Wir brauchen ein überzeugendes europäisches Zukunftsprojekt mit dem Mut, neue Wege zu gehen“ (Rau, 2001a: 333).

У концепта «деньги» особыми номинациями в артефактной сфере проявляют себя наименования материальных носителей денежных единиц, из которых они изготавливаются и на которых они собственно существуют (бумага, железо, медь, золото, серебро и т. п.). Подобные лексемы не передают никакого образного значения, хотя и часто используются, например в разговорной речи и в немецкой паремииологии.

Природный код представляет собой упорядочивание знаний об исследуемых немецких концептосферах „Geld“ и „Politik“ в терминах исходной понятийной сферы «Природа» и охватывает первичные и вторичные номинации растений, животных, явлений природы (погода, осадки) и природных сил, которые отражают наиболее важные, с точки зрения немецкой лингвокультуры, свойства и качества социальной реальности. В структуре исследуемых социальных концептов, как показывают результаты проведенного сравнительного анализа, данный признак выражается как сходными, так и различными семантическими свойствами, проявляемыми манифестирующими его языковыми единицами.

Так, к фитоморфной группе наименований относятся названия растений (трав, деревьев), их частей и плодов, а также конкретные виды растительного мира („der Weizen“, „die Kastanien“ и пр.). Деньги при этом рассматриваются как некий растительный организм, который растёт („wachsen“), культивируется („streuen“), например: „Der Weizen auf unserem Feld ist Geld“ (Spiegel, 18, 2002). „Das Geld ist relativ am breitesten gestreut. Es wächst mit dem Einkommen der Haushalte“ (Grundwissen, 1991: 200). „Schon bis zum Jahr 2005 werde das Einkommen auf 500 Millionen Euro anwachsen“ (Spiegel, 18, 2002).

Также в разных контекстах могут описываться абсолютно противоположные свойства денег. Одни авторы утверждают, что деньги могут «расти на деревьях» как плоды, например, как «каштаны», а другие утверждают, что, наоборот, «деньги на деревьях не растут», ср.: „Das Geld kann man von den Bäumen schütteln, wie gute Kastanien“ (Bechstein, 1988: 228). „Wir haben harte Zeiten im Augenblick, wir müssen den Gürtel enger schnallen, Geld wächst nicht auf den Bäumen“ (Boundy, 1997: 198).

Деньги могут проявлять определенные перцептивные качества: «свежий» („frisch“), «сладкий, сочный» („saftig“) „Es geht jedoch nicht nur um frisches Geld für den Umweltschutz, sondern auch um die Schuldenlast der dritten Welt“ (Schily, 1996: 295). „Jetzt ist ein saftiges Geld das Ende vom Lied“ (Bunte, 33, 2002). Квантитативный показатель (большое количество) денег обозначается в немецкой паремииологии выражением «иметь (много) денег, как сена» („Geld wie Heu haben“), например: „Er musste Geld wie Heu haben“ (Remarque, 1963: 77). В сфере политики социальные реалии также номинируются лексемами «дерево» („der Baum“), «растение» („die Pflanze“), причем данные понятия могут вступать в отношения антонимии. Так, например, в свое время бывший федеральный канцлер ФРГ Герхард Шрёдер уподобил в одной из своих речей демократию «сильному дереву» в противоположность «хрупкому растению», ср.: „Die gemeinsame Geschichte verpflichtet auch uns. Aber inzwischen – das ist gut so – ist unsere Demokratie kein zartes Pflänzchen mehr, sondern ein starker Baum“ (Schröder, 1999: 35).

Говоря о практической деятельности (в области политики, экономики, науки), бывший федеральный президент Германии Йоханнес Рау отмечал, что часто политические деятели используют нерационально результаты научных открытий, букв.: «охотнее едят яблоки, чем сажают деревья» („lieber Äpfel essen als Bäume pflanzen“), ср.: „Der offensichtliche, der ganz praktische Nutzen der Wissenschaft hat aber auch zwei Folgen, die uns zu denken geben sollten: Erstens: Die Wissenschaft gewinnt viele Freunde, die lieber Äpfel essen als Bäume pflanzen ... Was meine ich damit? Ich habe manchmal den Eindruck, dass erstens Ökonomie und Politik aus lauter Begeisterung über die praktischen Nutzenanwendungen der Wissenschaft häufig vergessen, das die nutzbringenden Früchte erst reifen müssen“ (Rau, 2001b: 322). Экономическая деятельность, тор-

говля метафорически часто репрезентируются как растения, которые цветут, плодоносят, например: „Ralph Waldo Emerson hat Mitte des 19. Jahrhunderts einmal gesagt: „Handel ist eine Pflanze, die wächst, wo Frieden ist, sobald Frieden ist und solange Frieden ist“. Ich wünsche Ihnen, dass Ihre Bemühungen um inneren und äußeren Frieden diese Pflanze zu voller Blüte gedeihen“ (Müller, 2003b). „Die Deutschen in der DDR waren nicht dümmer und nicht fauler als die Deutschen im Westen, aber unter den gegebenen Bedingungen konnte ihre Leistungsfähigkeit und ihre Leistungsbereitschaft nicht die gleichen Früchte tragen“ (Rau, 2000: 41).

Зооморфные наименования, представляющие деньги и политику в переносном смысле, довольно широко распространены в современном немецком языке и создают яркие, наглядные образы. Деньги предстают чаще всего в виде «птицы» („das Vogel“), «насекомого» („das Insekt“), «рыбы» („der Fisch“) и пр., акцентируя семы неожиданности (появления и исчезновения денег), неподконтрольности человеку (перемещения) денег и т. д.: „Es wird ein kleines Geldgeschenk ins Haus fliegen, das ist die Krisenunterstützung von nächster Woche“ (Fallada, 1967: 352). „Ein Augenblick ist da, in dem hängt die Hand des kleinen Kassiers über dem Geld, wie ein Sperber in der Luft über dem Kückenhof, alle Krallen sind weit offen“ (Fallada, 1967: 284). „Geld ist ein beschwingter Vogel“. „Geld ist wie ein Aal in der Hand“. „Geld ist wie ein Floh: es springt fort, es ist hier für einen Moment, dann – wer kann sagen, wohin es gegangen ist“ (Deutsche Redewendungen).

Немецкое выражение «свиные деньги» („das Schweinegeld“; *устар.* „schweines Geld“) указывает на большое количество денег (свинья в Германии – символ экономности, благосостояния), но имеет повышенную эмоциональную окрашенность и просторечный характер: „Das kostet ein Schweinegeld“ / „Das kostet schweines Geld“ («Это стоит больших/бешеных денег»). „Er hat damit ein Schweingeld verdient“ («Этим он заработал громадные деньги»).

Социально-политические реалии в современной немецкой политической культуре также метафоризируются зооморфизмами, которые обозначают прежде всего способы легкой и быстрой наживы и поиски виноватых в определенных политических просчетах („der Sündenbock“ – ср. с эквивалентом в русском языке: «козел отпущения»): „Das gehört zu den Aufgaben der Gewerkschaften. Aber das ist auch Grund dafür, dass sie häufig bezichtigt werden, nur einen „Kuhhandel“ zu betreiben“ (Rau, 2001b: 124). „Das ist offenbar ein Mechanismus in unserer Gesellschaft: Wenn etwas schief geht, dann sucht man den Sündenbock, den man wegschickt, und der Sündenbock mit der schnellsten Geschwindigkeit des sich Entfernens ist offenbar die Schule“ (Rau, 2002b: 397).

Животные могут в переносном смысле именовать как положительные, так и отрицательные черты деятельности отдельных политиков, оппозиции или правительства („auf das falsche Pferd setzen“), а так-

же указывать на успехи в экономическом развитии („der Tiger am Sprung“), например: „Er hat auf das falsche Pferd gesetzt“ (Rau, 2002a: 221) (букв.: «Он сел не на ту лошадь» в значении – «выбрал неправильный путь»).

Метафорический термин «экономический тигр» (der Wirtschaftstiger) появился в 90-е гг. XX века и обозначал страны азиатско-тихоокеанского региона (отсюда синонимичное выражение: «азиатский тигр»), которые, благодаря разумной социально-экономической политике и благоприятной мировой экономической конъюнктуре, пережили бум экономического развития и вышли на уровень мировых лидеров по уровню производства, товарооборота, торговли и ВВП (это прежде всего Южная Корея, Малайзия, Сингапур и отчасти – Таиланд, Гонконг). Экс-президент ФРГ Й. Рау в свое время, для создания положительной оценки социальной политики правительства Г. Шрёдера в «новых» федеральных землях (экс-ГДР), использовал данный термин по отношению к Восточной Германии, которая, по его мнению, уже вышла на уровень, с которого начинается стремительное экономическое развитие, а единственным препятствием могут стать не объективные, а субъективные факторы, среди которых – неготовность самих восточных немцев к новым экономическим реалиям, ср.: „Die Vier kamen zu dem Ergebnis, Ostdeutschland habe ein ausgesprochen gutes Entwicklungs- und Aufholpotential, es sei ein „Wirtschaftstiger“ auf dem Sprung. Jedes Potential müsse aber zunächst einmal mobilisiert werden, und das stoße in Ostdeutschland auf ein psychologisches Handicap: Das weit verbreitete Gefühl der Enttäuschung über die bisherige Entwicklung sei ein Hindernis für den Wachstumsprozess. Die Blockade in den Köpfen hindere den Tiger am Sprung“ (Rau, 2002b: 428).

В толковом словаре немецкого языка зафиксировано также выражение «страусиная политика» („die Vogel-Strauß-Politik“), обозначающее недалекую политику, не учитывающую и/или не замечающую объективные трудности, препятствия или опасность („Art des Verhaltens, bei der jemand eine Gefahr o. Ä. nicht sehen will“).

В немецкой лингвокультуре при концептуализации социальной сферы и особенно области финансово-денежных отношений также встречаются образы гротескных, не существующих в природе и в мифологии животных, например, «несущая яйца и дающая молоко свиноматка» („die eierlegende Wollmilchsau“), как символ (в реальности не существующего) неисчерпаемого источника материальных благ и «денежная корова» („die Geldkuh“), как некий финансовый источник, который политики хотят полностью исчерпать (в контексте высказывания: «выдоили до смерти» („zu Tode gemolken haben“)), ср.: „Ich denke nicht, dass es das Ziel der Volkshochschulen sein sollte, sich gewissermaßen zur eierlegenden Wollmilchsau zu entwickeln. Ich glaube aber wohl, dass in der schwierigen Aufgabe, Hochschule für alle zu sein, ihre besondere Chance liegt“ (Rau 2002a: 251). „Da die Vereine diese Kredite

niemals zurückzahlen werden – sie haben das Spiel überreizt und in ihrer Unersättlichkeit die Geldkuh Fernsehen zu Tode gemolken“ (Spiegel, 2002, Nr. 17: 16).

Деньги и политика могут, как и опасные звери и насекомые, проявлять агрессивное поведение: «кусаться» („beißen“), «колоться, жалить» („stechen“), «иметь и показывать острые зубы» („scharfe Zähne haben“), «извиваться» („sich winden“), что указывает прежде всего на способность денег приносить людям вред, плохо на них влиять или быть для них недоступными: „Geld sticht“. „Das Geld des anderen hat scharfe Zähne“. „Der König heißt, der Pfennig beißt“ (Beyer, 1985: 442). „Das Geld zieht Geld nach sich und die Läuse Läuseeier“. „Die SPD windet sich, wenn es um die Details und die Finanzierung geht“ (Waigel 1998: 4). „Sie gehen über Ihre fundamentalen Probleme hinweg. Sie eiern herum! Sie beschimpfen die Soldaten ... Sie reden mit doppelter Zunge“ (Schmidt, 1998: 12).

Единая европейская валюта «евро» („der Euro“), вошедшая в оборот в ЕС в 1999 г. (на территории Бельгии, Франции, Финляндии и Голландии; в ФРГ – с 2002 г.), некоторыми немецкими политиками была названа в конце XX в. «Троянским конем» („das Trojanische Pferd“), ввиду того, что им не было еще понятно, каким образом проявит себя данная денежная единица и будет ли полезна или вредна для экономики Германии, см.: „So gesehen ist der Euro ein Trojanisches Pferd“ (Deutschland, 1998, Nr. 6: 35).

Очень яркие метафорические образы создавались немецкими политиками при апеллировании к исходной понятийной сфере «Объекты ландшафта» благодаря использованию наименований водоемов, гор, пустынь и т. д. Так, накануне выборов в бундестаг 1998 г. христианские демократы (представители партии ХДС) назвали своего кандидата, действующего федерального канцлера Гельмута Коля, «скалой у прибора» („der Fels in der Brandung“), имея в виду его политику по противодействию экономическим проблемам: „Herr Solms hat vorhin geklatscht, Herr Geißler hat das wenigstens nicht getan, als sie gesagt haben, Helmut Kohl sei der Fels in der Brandung. Meine Damen und Herren, wenn Sie auf der einen Seite den Rücktritt von Helmut Kohl fordern und ihn auf der anderen als Weltklasse und als Fels in der Brandung feiern, dann muss ich sagen, dass das irgendwie nicht zusammenpasst“ (Lafontaine, 1998: 5-6).

Пустыня („die Wüste“) выражает отсутствие каких-то необходимых условий, например для развития экономики, предпринимательства, торговли. Так, некоторые немецкие и иностранные политики и экономисты в начале нового тысячелетия называли Германию «пустыней в сфере услуг» („die Dienstleistungswüste“): „Manchmal wird Deutschland kritisiert als „Dienstleistungswüste““ (Rau, 2000: 99).

Периодические изменения мировой экономической конъюнктуры уподобляются обычно «волнам» („die Welle“), в частности, так говорится, например, о «волнах глобализации» („die Globalisierungswelle“): „Die jüngste Globalisierungswelle stellt aber

auch die Kreditwirtschaft vor ganz neue Herausforderungen“ (Rau, 2001b: 167). Большое количество законодательных актов как «бурный поток» („die Gesetzesflut“) готово поглотить в себе любое правовое государство, ср.: „Ein Rechtsstaat, der in einer Gesetzesflut ertrinkt, verliert seinen ursprünglichen Bezug zur Gerechtigkeit“ (Herzog, 1997: 9).

Наконец, «остров» („die Insel“) выражает определенную, закрытую от внешнего мира систему. Так, по мнению некоторых немецких политиков, Европейский союз является подобным «островом мира, свободы и благополучия» („Insel des Friedens, der Freiheit und des Wohlstandes“) в Европе и в мире в целом, хотя и отмечается, что замкнутое существование такого острова не может быть долгосрочным, например: „Die westliche Welt (Deutschland und Europäische Union) versteht man in Deutschland als eine Insel in der unruhigen Welt und Europa: «Wenn es richtig ist, dass Westeuropa seit 1945 zu einer Insel des Friedens, der Freiheit und des Wohlstandes geworden ist, so ist es auch seine Pflicht, anderen dabei zu helfen, daß sie in den Genuss vergleichbarer Entwicklung gelangen»“ (Herzog, 1997: 18). „Deutschland ist untrennbar mit der Welt verbunden. Es kann auf Dauer keine lokalen oder internationalen Inseln des Wohlstands und der Sicherheit mehr geben“ (Clement, 2002a: 11). „Die Erfahrung lehrt uns, dass es ja auf Dauer keine Inseln des Wohlstands und des Friedens geben kann in einem Meer von Elend und Gewalt“ (Rau, 2002a: 119).

Погодные явления (осадки, туман) также проецируются в сферу социальных и денежных отношений. Традиционным в немецкой лингвокультуре является образ «денежного дождя» („der Geldregen“), который в толковом словаре трактуется как «желаемое, предполагаемое или (часто) неожиданное получение (больших) денег» („sehr willkommene, erwünschte, oft unerwartete größere Geldzuwendung, größere Einnahme“), а в окказиональном словоупотреблении может получить и иные, дополнительные смыслы: „Bei ihm regnete es Geld“. „Es ist alles möglich, es regnet sogar Geld“. „Mittlerweile war der sturzflutartige Dukatenregen versiegt“ (Barthel, 1990: 165). „Genau vierhundert Mark regnet es jetzt“ (Barthel, 1990: 165). „Der Pöbel schrie Vivat unter meinem Fenster, und ich ließ doppelte Dukaten daraus regnen“ (Chamissos Werke, 1980: 174).

«Туман» („der Nebel“) в сфере политики прикрывает замыслы политиков и политических партий, вводит в заблуждение и сбивает с толку оппонентов, скрывает истинные замыслы политических субъектов в важных мероприятиях (например при выборах): „Ich wünsche mir, dass sich unser Gemeinwesen solchen Fragestellungen zuwendet, spätestens dann, wenn sich die multimedialen Nebelschwaden des Bundestagswahlkampfes verzogen haben werden“ (Kohn, 1998: 13). „Deshalb sollte jetzt Schluss sein mit dem Taktieren und dem Finassieren,

mit dem Nebelwerfen und den immer neuen Verwirrspielchen“ (Conradi, 1999).

Современные немецкие политики, особенно те, которые родом из Западной Германии, часто говорят о бывшей Восточной Германии (ГДР) как о стране, жители которой жили «в тени» („auf der Schattenseite“) (иногда этот образ дополняется, и говорится о «тени Берлинской стены»), в то время как западные немцы жили «на солнечной стороне» („auf der Sonnenseite“), пользуясь благами развитого капитализма: „Unsere Brüder und Schwestern in den neuen Bundesländern haben 40 Jahre lang auf der Schattenseite des Lebens gestanden, weil sie zufällig im Osten Deutschlands und somit unter sowjetischer Besatzung und kommunistischer Unterdrückung leben mussten“ (Roitzsch, 1999). „Zunächst einmal war die Revolution von 1990 für die Westdeutschen auch eine Erinnerung daran, dass sie sich ihre demokratische Ordnung nicht selber haben erkämpfen müssen und dass sie ihr Leben auf der Sonnenseite des Eisernen Vorgangs verbracht hatten“ (Rau, 2001a: 397).

Также жизнь в ГДР уподобляется «пасмурной, несолнечной погоде» („das unsönnige Wetter“), а объединение двух Германий представляется как «ветер перемен, изменения» („der Wind der Änderung“), перешедший потом уже в «новых» федеральных землях в «ураган реформ» („der Sturmwind der Neuerungen“): „Nach dem 40-jährigen unsönnigen Wetter kam nach Ostdeutschland der Wind der Änderung: «Die Ostdeutschen haben seit 1990 einen Sturmwind an Neuerungen und Modernisierungen erlebt“ (Rau, 2001a: 396).

Из природных стихий в социальной сфере метафорически манифестируются «огонь» („das Feuer“) и его атрибуты («горячий» („warm“) и пр.), «вода» („das Wasser“), «холод, мороз» („die Kälte“) и соответствующие адъективы («холодный» („kalt“) и т. д.). Иногда две стихии («огонь» и «вода»; «тепло» и «холод») противопоставляются друг другу, выражая две максимы социального мироустройства. Так, например, деньги трудно заработать (и потому они подобны «огню» (т. е. их трудно получить в руки)), но легко и быстро можно потратить, в чем они похожи на «воду» (т. е. быстро «утекают»; ср. в русском языке: «деньги как вода»): „Geld kommt wie Feuer, aber geht wie Wasser“. Деньги (счета, финансы, кредиты) можно «заморозить», т. е. остановить все операции с ними и по ним: „Geld einfrieren“.

В немецком языке встречается также выражение «горячие деньги» („heißes Geld“), используемое в двух значениях: 1) «деньги, которые, с целью получения наивысшей прибыли, переводятся из страны в страну, в зависимости от размеров налоговых сборов» („(In der Wirtschaft) Geld, das, um größeren Gewinn zu erzielen, je nach Zinshöhe in andere Länder fließt“), что является калькой с английского выражения „hot money“; 2) «меченые в специальных целях денежные знаки» („Durch Raub, Erpressung u. Ä. erworbene Münzen und Noten, deren Nummern möglicherweise notiert wurden und die der Erwerber deshalb schnell wieder abstoßen will“).

Понятия «холодный» и «теплый» использовал в своей политической риторике восьмой федеральный президент Германии Йоханнес Рау, говоря о духовности и нравственного современного немецкого общества. По его мнению, в обществе потребителей, в экономически развитом капиталистическом немецком обществе преобладает равнодушие, «социальная холодность» („soziale Kälte“), а нормой должно стать соучастие в общественных делах, «социальная теплота» („soziale Wärme“), к которой нужно стремиться, которую нужно проповедовать и которая, с его точки зрения, намного важнее экономического благополучия: „Ohne die Arbeit der Ehrenamtler wäre unsere Gesellschaft kälter und herzloser“ (Rau, 2002a: 356). „Nicht jede wirtschaftliche Ungleichheit darf man gleichsetzen mit Ungerechtigkeit oder sozialer Kälte. Nein, Leistung erfordert Belohnung, und es ist richtig, unterschiedliche Leistungen auch unterschiedlich zu belohnen“ (Rau, 2002a: 341).

Отдельную группу номинаций денег образует признак универсальности, описывающий особую роль денег в мире, представляющий деньги как меру всему сущему, например, «деньги – это мир, а мир – это деньги» („Geld ist die Welt, und die Welt ist Geld“), «деньги для человека – это всё» („Geld ist alles für die Menschen“), «деньги – мера (масштаб) всех вещей (предметов)» („Geld ist das Maß für alle Dinge“) и т. д. При концептуализации политики такой признак не реализуется.

Таким образом, исследуемые ментальные единицы „Geld“ и „Politik“ в немецком языковом сознании упорядочиваются разнообразными семантическими признаками, несущими в себе как положительные, так и отрицательные коннотации. В целом в немецкой лингвокультуре «деньги» ведут

себя как относительно самостоятельная и активно действующая сила (которая «растет», «управляет», «путешествует»), оказывающая сильное воздействие на человека (на его мысли, поступки, образ жизни и т. п.), в то время как «политика» метафоризируется либо в динамике, развитии (при описании различных социальных процессов), либо как некий инструмент («ключ», «оружие» и т. д.) в руках политиков, которые оказывают влияние на государство (и его институты) и на все общество в целом, а посредством этого – и на каждого отдельного гражданина.

Литература

1. Керимов, Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: уч. пособие [Текст] / Р. Д. Керимов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 168 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие [Текст] / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
3. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования: уч. пособие [Текст] / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 178 с. – (Серия «Концептуальные исследования»; Вып. 5).
4. Федянина, Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие [Текст] / Л. И. Федянина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 160 с.
5. Kövecses, Z. Metaphor: A practical introduction [Text] / Z. Kövecses. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI. – 285 p.
6. Schwarz, M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktual. Aufl. [Text] / M. Schwarz. – Tübingen; Bâsel: Francke, 1996. – 238 s.